
18+
ЖЕНЯ РОМАНЮК
Сны о детстве
Глинтвейн рассказов
со специями тепла, веры,
доброты и прощения
ошибок прошлого

Женя Романюк

Сны о детстве. Глинтвейн рассказов со специями тепла, веры, доброты и прощения ошибок прошлого

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71581123
ISBN 9785006531932

Аннотация

О чем эта книга? О хрупком детстве в деревне, соседских бабушках с конфетой «Кузнечик» в руках, краснобоких пасхальных яйцах в кастрюле со щербинкой и несказанных, а поэтому осевших накипью на стенках души, словах. Она о прощании и прощении. О взрослении, любви, потерянной вере и найденной – так вовремя и будто бы случайно. Она о мире, который каждый из нас видел из-под ресниц, щурясь от яркого солнечного света, и который нужно просто вспомнить, чтобы жить стало немного легче.

Содержание

Недосказанные вещи остаются с нами навсегда… 5
Вместо предисловия 5
Глава 1 9
ЗОРЬКА 9
Глава 2 17
Бурачки 17
Глава 3 23
Бадминтон 23
Глава 4 29
Желтый запорожец 29
Глава 5 34
Хвост павлина 34
Глава 6 38
Сеновал 38
Конец ознакомительного фрагмента. 42

Сны о детстве Глинтвейн рассказов со специями тепла, веры, доброты и прощения ошибок прошлого

Женя Романюк

© Женя Романюк, 2025

ISBN 978-5-0065-3193-2
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Недосказанные вещи остаются с нами навсегда…

Вместо предисловия

Августовские осы неизменно приносят на своих полупрозрачных крыльях приступы ностальгии.

В августе бабушка Алла чистила яблоки на варенье, сидя на лавке под яблоней у потрескавшегося крыльца нашего дома, а по ее рукам ползали осы, много ос.

Бабушка говорила мне, что их не нужно бояться. Они ничего не сделают, пока ты их не трогаешь.

И ведь действительно – не жалили.

Я вспомнила об этом однажды у реки, похожей на озеро своим спокойствием. Таким невозмутимым, что облака отражались в водной глади как в зеркале. Рядом муж, казалось, только дотронулся кончиком ножа до кожуры арбуза, как тот облегченно лопнул от избытка сока, будто только и ждал момента выдохнуть и показать миру свое нутро. И тут же нача-

ли слетаться на ароматный дар лета первые осы…

В тот момент и родилась эта книга. Вернее, ее ощущение. Далекое, но ясное чувство того, что она существует в пространстве времени и просто ждет.

Я чувствовала, что мой глинтвейн рассказов будет как мост между всеми нами – такими взрослыми и такими детьми. Между негнущимся печным дымом из деревенских домов в морозный полдень и ровными стопками папок с документами на одинаковых во всем мире офисных столах. Между колорадскими жуками, гибнущими в пластиковых бутылках ради хорошего урожая картошки, и размышлениями о том, что же подать семье на ужин. Так родилась книга нежной, иногда щемящей душу, любви к тому, что невозвратно ушло, но не будет забыто – потому что витиеватыми корнями проросло в каждого из нас. Эта книга-посвящение всем, для кого семья – слово, наполненное смыслом.

Эх, вот бы завернуть из-за угла к родительскому дому и увидеть, как бабушка, наклонившись и тяжело опираясь локтями о колени, чистит яблоки…

Я бы сказала ей спасибо за доброту, которую она смогла сохранить в себе несмотря ни на что и передать своей дочери – моей маме, женщине с самым подходящим для ее жизни

именем: Вера. Той добротой бабушка окружала и всех своих внуков, и зятя – подливая ему борщик и называя никак иначе кроме как «Серёжка».

Я бы сказала ей, что батон с яблочным вареньем и только что сдоенным теплым коровьим молоком навсегда останутся самым вкусным десертом на планете и никакая крафтовая пекарня с этим не будет стоять даже близко.

Я бы сказала ей, что лучших тапочек, чем вязаные носки, никто пока не придумал.

Я бы сказала ей: люби себя немножко больше, не надрывайся, а если что-то болит, пожалуйста, сходи к врачу, чтобы не пропустить моменты, когда у тебя появятся правнуки, когда я научусь играть на гитаре, когда перееду в квартиру с теплыми полами, где вязаные носки нужны просто для красоты… А еще я бы сказала, что до сих пор не боюсь ос.

Ну а может быть, я бы не сказала всего этого. А просто посидела бы рядом. Не бежала бы. Не спешила жить, вырастать, взрослеть. Остановилась бы и почувствовала совершенство момента. Момента, когда бабушка и внучка одним ясным августовским днем сидят на лавке, чистят яблоки, а по их рукам ползают осы…

Пусть эти сны о детстве станут мостом и для тебя, читатель. Имена и истории могут совпадать с реальностью, а могут и нет – ведь это только сны, которые проведут тебя к той части, которая теряется, когда мы вырастаем.

Пусть эти рассказы станут мостом к детству. К прощению. К возрождению и перерождению.

Пусть ты увидишь хороший сон…

Глава 1

ЗОРЬКА

– Женя, Катя, идите скоренько встретьте Зорьку!

Зорька – это наша черно-белая корова в стаде таких же черно-белых коров со всей деревни. Утром, еще только светает, ее отправляют на выпас. Сейчас моменты ухода Зорьки из хлева подернуты в памяти туманом, потому что в это время я – маленький счастливый ребенок – спала беспробудным сном после летнего веселья. А вот вечернее возвращение Зорьки расцвечено яркими красками.

В общем-то, нашу корову никогда особенно не надо было встречать: она прямехонько шла к своим воротам, даже не поворачивая головы в сторону чужих открытых калиток. Хозяйки на улицах лениво ждали своих кормилиц, стояли с будто бы равнодушным видом, но на самом деле вкушая удовольствие от драгоценного мига отдыха перед новой большой работой: надои, занеси, процеди, разлей, заготовь…

А для нас это было весело: идут коровы, даже не стадо –

целая толпа коров! Несут с собой звон колокольчиков на шеях и запах животного тепла, от которого как-то очень уж спокойно, безопасно что ли. Сейчас мне видится, что запах коровьего стада так успокаивал, потому что корова несла домой молоко – а значит, будут и сыр, и творог, и сметана, и масло, и будущее. Предсказуемое и стабильное.

Наше стадо каждый день возвращалось одной и той же дорогой, появляясь из-за поворота с улицы соседней деревни. Мы с Катькой обычно в такие моменты молчали: играли в игру, правила которой никогда не обсуждали, – кто первым услышит топот копыт, звоночки колокольчиков, нетерпеливое мычание от полного вымени молока или лай собаки со двора, которая услышала что-то раньше нас.

– Вон, идут!!!

Мы срывались на другую сторону дороги, к своим огородам. Потому что путь стада неизменно проходил мимо длинных делянок, которые раздавали в сельсовете. У нас таких длинных (как тогда казалось ни конца ни края) полосок земли было аж две. А заборов ни у кого не было. Вернее были, но настолько условные, что если уж какой корове захочется пойти пощипать молодой зелени свеклы, то ничто ее не остановит. Вот и бежали, заслышав звуки стада, детвора и хозяйки, чтобы стать скучающими стражниками будущего

урожая, иногда лениво перекидываясь друг с другом последними деревенскими новостями или сожалениями о том, что который день всё не выпадает дождь.

Зорьку узнаем легко. Она почти буднично черно-белая, но не совсем: у нее во лбу звезда горит. На самом деле просто белое пятно, отдаленно напоминающее звезду, по центру черного лба. Но детская фантазия сделала всё остальное. Наша красавица. Ни у кого такой нет.

– Зорька, Зорька, привет, Зорька, хорошая Зорька, домой, Зорька! – галдели мы с Катькой наперебой.

Ее большое розовощекое вымя терлось о ноги – молока сегодня будет ого-го!

С каждым двором коров всё меньше и меньше, идут по домам неспешно, будто уставшие после своей коровьей вечеринки под открытым небом. А мы с Катькой идем вприпрыжку, нетерпеливо, ведь там оставлена игра в выбивалы!

Зорька так же равнодушно поворачивает у почты, оставляет за собой смешные лепешки – они завтра высохнут на солнце и мы будем виртуозно объезжать их на своих велосипедах, как на полосе препятствий.

А во дворе кормилицу уже встречает бабушка в цветастом черном с желтыми листьями платье. Она стоит у хлева с синей дверью, рядом на траве розовое, будто от смущения, пластиковое ведро, которое скоро наполнится парным белым молоком. В ведре две поллитровые банки: мне и моему другу – соседскому мальчику Лешке (Катька молоко не любит).

Зорька – в сарай, бабушка – за ней, мы с Катькой – в выбивалы.

– Леша, скоро молоко!

– Пошли, – командует Лешка, и мы как то стадо коров «пасемся» возле сарая, подслушивая стыдные упругие звуки струй молока, бьющихся о стенки ведра. Нетерпеливо заглядываем к бабуле, намекаем, что вот они мы, тут, ждемс! А она, как нарочно, делает вид, что не замечает, но мы-то знаем – улыбается – хоть и видим только ее круглую спину и шапку седых волос. Наконец, берет в руки банки и доит сначала в одну (от стекла звуки становятся еще стыднее), а потом наполняет молоком с пушистой прической пены и вторую банку:

– Спасибо! – дежурно выкрикиваем мы, забирая молоко.

– На здоровье, внучк**и**, – бабушка не сразу возвращается к своей работе, она дает себе несколько секунд того особенного удовольствия, которое рождается, когда мы кормим

любимых людей вкусным ужином.

А пили мы с Лешкой наперегонки ох как смачно. Техника была такая: взять банку двумя руками, поглубже погрузить в нее верхнюю губу и жадно пить на скорость. А потом обязательно тыкать друг в друга пальцем и хохотать от белых молочных усов.

Молоко было теплым-теплым, и пить его было самым большим удовольствием почти прошедшего дня. Пить долго, задерживать дыхание и иногда останавливаться, чтобы перевести дух (а что вы думали, это ж пол-литра молока за раз!). Эти миллионы маленьких деталей, сотни литров выпитого молока раскладываются калейдоскопом самых безопасных, предсказуемых и счастливых моментов детства. Мы были здоровы, довольны и знали, что батон с прошлогодним черничным вареньем да молоко будут самым верным перекусом завтрашнего душного летнего дня. Мы не загадывали вперед и не думали, кем станем и будет ли бабушка вечно доить Зорьку по вечерам. И не могли даже мысли допустить, что когда-то всё закончится.

Уже забылось, что было первее: бабушка с дедушкой продали корову или же сначала мы перестали любить молоко. А может в какой-то газете написали, что домашнее молоко вообще опасно и лучше магазинное, пастеризованное. В об-

щем, всё как-то схлопнулось, закончилось парное молоко, умерла бабушка.

Я не хотела быть предателем и больше никогда не пила молока. Ни домашнего, ни магазинного. Можно было добавить в кофе, или в тесто на блины. Но чтобы попить вот так, как в детстве, самозабвенно, прямо из поллитровой банки – ни за что…

***

– Доброе утро, вот ваш завтрак, приятного аппетита, – в конной усадьбе, где мы с мужем отдыхаем, подали оладьи с вареньем и липовым чаем. Мы поблагодарили высокую, худощавую сотрудницу усадьбы, грубые руки которой напомнили мне руки моей бабушки, тоже знавшей тяжкий физический труд. Женщина улыбнулась так по-семейному просто, что новый день нашего с мужем отпуска сразу стал хорошим.

Только мы решили насладиться едой, приготовленной «для своих», как женщина, несколько неловко и тушуясь, вернулась к нашему столу.

– Я вот хотела спросить знаете что у вас, я тут корову подоила полчаса назад, может вы молочка хотите покушать?

– Ой нет, вы что, я столько лет даже покупного молока не пила, какое тут домашнее. Наша конная прогулка сегодня

может закончиться в туалете, – пошутила я.

– Ну что вы, попробуйте, всё будет хорошо, это же домашнее молоко, у нас такие чистые ухоженные коровки, попробуйте! – мягко настаивала кухонная рабочая, с удивительной теплотой глядя в глаза. Что-то екнуло внутри и я согласилась лишь на полчашечки – не хотела расстраивать сердечную женщину.

Она побежала куда-то черезчур торопливо, словно боялась, что я передумаю. Но я ждала. И почему-то волновалась, оправдывая это тем, что мой желудок может не справиться. Но это было что-то другое.

Молоко мне подали в старомодной чашке из прошловекового чешского сервиза. Как только я взяла ее в руки, вместе с давно забытым ощущением тепла нагретого молоком фарфора в меня хлынули старательно спрятанные чувства из прошлого. Мой муж смотрел и улыбался:

– Ну, давай, я точно не буду.

Я сделала первый глоток – из глаз брызнули слезы и полились уже неудержимым потоком. Всё-всё детство заговорило, запело, зацвело внутри. Бабушка заулыбалась, вернувшись ко мне через долгие-долгие годы. Она смотрела на ме-

ня добрыми глазами этой женщины. Та стояла у стола и держала пальцы переплетенными: казалось, она едва сдерживается, чтобы не погладить меня по голове. Я верила… Нет, знала – с ней моя бабушка пришла ко мне ненадолго, оторвавшись от своих небесных дел, чтобы посмотреть, как ее внучка пьет парное молоко и безудержно плачет. Хотя нет, не молоко, она пьет то самое детство, которое заслуживает, чтобы о нем не забывали.

Глава 2

Бурачки

– Видишь, вот это, где красная ложбинка – это молодой росточек бурака (свеклы, если по-русски). А вот тут – это молодая лебеда, не спутай. Надо рвать траву, чтобы она не мешала буракам расти. Но если видно, что в одном месте бурачки растут очень тесно (ударение на О), тогда нужно их вырвать и оставить один. Потому что они будут мешать друг дружке – и не вырастет ничего толкового, одна ботва.

Так наставляет меня бабушка ранним июньским утром на нашем огороде, где уже взошли первые посевы. А взошли они, как водится, вместе с сорняками. Впереди целое лето трудов. Следить, чтобы сорняки не забивали посадки, поливать, прореживать, снова поливать, собирать колорадских жуков в полуторалитровые бутылки из-под кваса, укрывать от заморозков, волноваться о дожде да снимать первый урожай.

Мне кажется, что на длинном-длинном узком огороде, где всё сидит аккуратными квадратиками, мы вот-вот дойдем до конца в наших ежедневных прополках и, наконец, не надо

будет таскаться сюда каждое утро. Но дойдя до конца, всегда пора начинать сначала. Тяпаешь капусту на финише, а в бурачках на старте опять лебеда отскочила.

На нашем огороде я работаю безропотно. У нас не водится вертеть носом, спорить с бабулей и капризничать. Только начинаешь, а бабушка в ответ: «Утром росно, в обед млосно, вечером комары. И когда полоть, внучечка?» На это сказать нечего, но от детской спешки никуда не уйти. Хочется скорее домой – ноги помыть и играть с друзьями! Но я работаю, высматриваю, где та самая красная прожилка, а всё равно в спешке выдираю не то, что надо.

Чтобы бабушка не заметила, закапываю ростки под сорняки в дырявом металлическом ведре. Бабушка, конечно, замечает, уголком сухих от ветра и солнца губ улыбается, но ничего не говорит.

Я работаю на корточках, опуская то одно, то другое колено на еще влажную утреннюю землю, отчего кожа быстро становится черной. Бабушка трудится, как будто полы моет: широко расставив ноги, наклонившись низко, чтобы одним локтем упереться в бедро, а другой свободной рукой выдергивать сорную траву, любоваться всходами, а иногда сетовать, что морковка-то взошла «сёлета»[1] плохо.

[1] Сёлета (ударение на ё) – наречие в белорусском языке, переводящееся как

У меня свои обязанности в прополке. Я отвечаю за то, чтобы выносить на обочину нашего огорода сорняки в ведрах, которые терпеливо ждут нас каждое утро. Мы не забираем ведра домой, потому что кому такие надо – с дырками в дне, проеденными ржавчиной. А вот для сорняков в самый раз. Сбегаю, принесу пустые, мы перевернем их да посидим немножко на таких вот табуретках, посмотрим на соседские огороды, сравним со своими: «у Дмитриевны-то вон уже капуста какая хорошая, а у нас чей-та не завязывается». Зеваю, скучно – что мне ваша Дмитриевна, когда Лешка привез новые ракетки для бадминтона. Солнце становится всё выше, голове всё жарче.

Бабушка тоже замечает, говорит, вот эту грядку доделаем да пойдем домой: надо собираться в поле на обеденную дойку Зорьки.

Ура! Появляется вдохновение дойти до конца грядки быстрее! И конечно, вырываю еще больше того, чего не надо бы. Ну и бог с ними, с бурачками! Домой хочется, ведь ростки на грядке в моем сознании никак не превращаются в борщ.

Мы будем идти неспешно, я буду подпрыгивать в попыт-

«в этом году».

ках изловить бабочек-капустниц и уворачиваться от пчел.

– Бабушка, ты когда пойдешь доить корову? Молочка так хочется! Можно я с тобой?

– Не, Женька, не надо, стадо большое, мало ли что, коровы тоже разные бывают. Попей пока вчерашнего.

– Не хочу, оно холодное, хочу новое.

– Ну то подожди, вечером будет тебе новое.

Прибегаю домой, иду мыть коленки и выковыривать землю из-под ногтей. Мама недавно рассказала, что хорошо помогает хозяйственное мыло. Лучше всяких душистых. Надо поскрести ногтями брусок – и это мыло будто выдавит землю. Проверяю – работает! Ручки белые, коленки чистые, шорты с топиком новые. ДиКаприо как-то странно растягивается у меня на грудной клетке – ну и что? Главное, что у меня теперь тоже есть майка с тем самым кадром из «Титаника».

Бабушка ловит меня на выходе из дома.

– Женька, сходи нарви ведро травы да задай кроликам.

– Хорошо!

Траву рвать приятно – она холодная в тени, но уже просохшая от утренней росы. Бегу кормить: сначала две клетки у сарая. Открыть дверцу, вкинуть траву, смеяться, как в панике кролики начинают бегать, не зная, куда деться. Большие – не очень интересные. Другое дело – крольчата в следующей клетке. Маленькие, шустрые, пушистые, красивые!

– Бабуля, иди сюда! – кричу на весь двор.

Бабушка спешит, думает что-то случилось. Бежать уже не может, но идет суетливо.

– Что такое?

– Бабуль, достань мне крольчонка потрогать!

– Ай божечки, крольчонка?

Улыбается, на лице облегчение. Открывает клетку, боком заслоняет проем так, чтобы в страхе кролики не повыпадали (попробуй поймай!), ловит быстро и умело одного, дает мне в руки. Сердечко у него бьется так быстро, что кажется, вот-вот вырвется из груди и улетит.

Аккуратно засовываю кролика обратно, страшно довольная.

– Всех покормила, можно пойду за Лешкой?

– Добре, скоро обедать, далеко не гуляйте, – наставляет бабушка вслед моей убегающей спине…

Я брошу свое обычное «хорошо», не оборачиваясь. Хочу представить, как бабушка стоит у крольчатника, куда она смотрит, улыбается ли. И не могу. Что ж, она дала мне лучший совет – будь с близкими столько, сколько возможно, слушай и подолгу смотри в глаза.

Глава 3

Бадминтон

Я сижу на лавке, болтаю ногами, смотрю по сторонам, разглядываю свою коленку. Май в этом году выдался на удивление жарким, мама разрешила надеть шорты очень рано по майским меркам, а коленка уже разбита в неудачной попытке догнать прыткого Сашку-одноклассника на стадионе возле школы.

Скучно. Вечереет, но солнце еще горячо, отчего всё вокруг какое-то ленивое, стоячее. Настолько, что не веселит даже мысль о том, что скоро лето – школьная линейка отпустит нас всех в дикий и необузданный летний пляс, и в мою деревню съедутся к бабушкам друзья, по которым я всегда очень тоскую, а Вика, небось, даже привезет новых Барби!

Хмурый лоб прямо указывает на то, как отчаянно я размышляю, чем же себя сегодня развлечь, пока бабушка и мама на кухне затеяли готовку чего-то, в чем неизменно есть жареный лук (наверное, даже Катька на том конце улицы слышит запах). Дали б хоть помочь что-нибудь, да на кухне не развернуться. Сказали не путаться под ногами и заняться

чем-нибудь. Ох уж это засекреченное «чем-нибудь»! Максимально неинтересное занятие!

Пытаюсь поначалу от нечего делать научиться ловить мух быстрым, четким и резким захватом сзади, как умеет делать мама (ей-богу, прям голыми руками!), даже выжидаю, пока они «задремлют» на розовой стене теплого, нагретого майским солнцем крыльца. Но несколько неудачных попыток напрочь отбивают охоту тренироваться.

– Эх, хоть бы кто гулять позвал, – сокрушаюсь я, и вдруг так себя становится жалко, что хочется заплакать и пойти поговорить с каждой из своих девятнадцати Барби. Жалко настолько, что кажется, будто так и просидишь тут до смерти, на скамейке, в окружении мух, которые только притворяются спящими.

Я уже было окончательно впала в отчаяние и решила, что лягу прямо тут на крыльцо и никогда-никогда не встану, и никакими клубничными варенья́ми (даже с пенкой!) меня не уговорят подняться. Как вдруг впереди показываются серые спортивные штаны надежды.

С работы почти бегом домой возвращается папа. Как часто бывало в сухую пору года, выбирает крутой быстрый спуск с горочки, где торчит зеленой крышей остановка при-

городных автобусов, а не пологий обход с другой стороны, который мама называет «нормальным, а тебе лишь бы быстрее!»

Мое настроение подскакивает так, как столбик градусника в мультиках – когда он взрывается, помните?!

Папа приехал!

Походка стремительная (а как еще! Папа высокий, ноги длинные, он всегда идет впереди нас с мамой, потому что медленно у него никак не выходит). Как обычно брови хмурые, усы важные, а глаза прищуренные (не помню, чтобы когда-то папа носил солнечные очки), отчего казалось, что он мучительно обдумывает по пути какое-то решение. И вот, папа в легком спортивном костюме идет домой. Ко мне. Спасать меня от тоскливейшего занятия «чем-нибудь».

Я срываюсь с лавки, лечу к нему с криком «Папа приехал!», потому что мама тоже должна знать, что папа дома, чтобы выйти на крыльцо, назвать его старомодно-черно-белым словом «Масик», сказать, что плов готов, и поцеловать в колючие усы.

Я повисаю у папы на шее и отрываюсь от земли в космос (я ж вам говорила, что папа высокий?), прижимаюсь крепко

к щеке и начинаю выкладывать ему весь свой миллион идей, чем нам безотлагательно надо заняться.

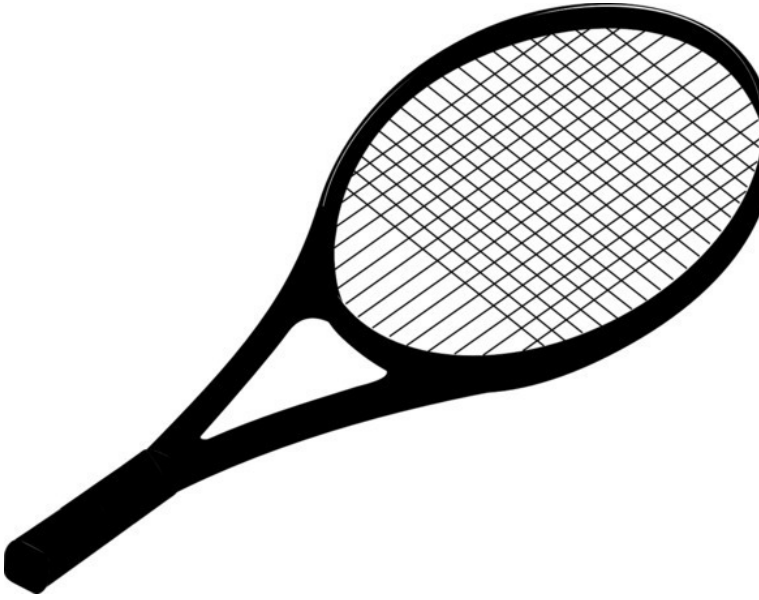
– Папа, а поиграем в бадминтон? А ты достанешь все мои воланчики с крыши? А еще один на дереве! А я сегодня порвала струну на ракетке, натянешь? А маму позовем и устроим турнир? А бабушка будет судьей!

Папа только кивает. Я совсем не думаю о том, что после рабочей смены в жару на заводе папе хочется не с ракетками забавляться, а поесть тещиного борща, обгрызть куриные шейки из плова и полежать на прохладном покрывале в прохладной комнате. Но папа мне об этом не говорит – он просто смеется, пока мы вместе возвращаемся, а я тараторю. Мы берем ракетки, я вприпрыжку со всем накопившимся за день энтузиазмом бегу показывать, где на дереве застрял воланчик.

Папа прицеливается и точным, уверенным броском отправляет ракетку повиснуть на этом же дереве прямо рядом с воланчиком, от чего получается большой летний снегопад – яблоня ж вся в цветах. Была!

Сгибаюсь от смеха пополам так, что даже сказать ничего не могу. И пока я смеюсь, папа исправляет ситуацию с помощью моей ракетки: одним ударом сбивает и воланчик, и свою

ракетку, а следом падает и моя.

Мы начинаем турнир не на жизнь, а на смерть – так сильно я замахиваюсь для первой подачи (и конечно, мажу). Папа смешно имитирует удары ракеткой, как в большом теннисе, держась за нее двумя руками, будто вкладывает туда всю силу, от чего я опять смеюсь и постоянно не могу отбить папину подачу. Мама выходит на крыльцо, и я кричу:

– Мама, смотри, как я сейчас папу сделаю!

Мама улыбается, вытирая полотенцем в клеточку руки, и спрашивает:

– Может ты бы поел хоть сначала? – понятно, что не ко мне обращается, поэтому я предпочитаю сделать вид, что не заметила этого меткого выстрела, способного разрушить наше веселье. Но папа-то замечает:

– Да, погодь, сейчас только Женьку сделаю, – отвечает папа, уже заранее зная, что только вначале меня помучает своими точными отбиваниями воланчика, а в конце обязательно поддастся.

Вечереет. Становится прохладнее. Но мы не замечаем. Папа с дочкой играют в бадминтон.

Глава 4

Желтый запорожец

По гравийной дороге, поднимая несметное количество пыли, мчится старенький желтый запорожец. Звук надрывный настолько, что дворовые собаки беспокойно лают и натягивают цепи – того и гляди сорвутся. А женщины показывают свои лица, распрямляя спины в бесконечных рядах картошки, чтобы покачать головой и может быть даже негодующе воскликнуть:

– Совсем уже осатанели так носиться! Милиции на вас нет!

А в том желтом запорожце, который в общем и не предусмотрен для езды с этой скоростью, едет целая толпа. Впрочем, запорожец и для этого тоже не предусмотрен.

За рулём дядь Коля, который взял дедов запорожец, чтобы отвезти детей на озеро в двух километрах от дома. На пассажирском мама Вера, которая борется с желанием прибить брата прямо в процессе этой гонки:

– Коля, блин! Коля, не гони, в машине дети! Колаяяяя!

Дядь Колю таким не проймёшь, он слыхивал угрозы и поизощреннее, когда возил теть Олю на своей бээмвэ. В ответ на увещевания мам Веры он только хохочет и делает вид, будто едет за рулем гоночного авто, лихо крутя руль и высоко подняв локти.

На заднем сиденье действительно дети. Прям детсад, ни дать ни взять. А теть Оля там за воспиталку. Она сидит у окна, дальше Пашка, за ним Катька, на ее коленях Димка, еще наш сосед Лешка, у другого окна Я, со всеми нами собака Найда и у всех пакеты с едой и клубничным компотом в бутылках из-под кваса.

Такой компашкой мы едем купаться, ну на-ко-нец-то! Пол-июня позади, а мы так свои маленькие попки в воде и не помочили. Ну не будем лукавить, не то чтобы уж совсем – каждая лужа была основательно измерена резиновыми сапогами, потом без резиновых сапог, потом вплавь и, конечно, на великах в соревновании «У кого больше брызг». Ну так это всё равно не то.

Все окна открыты, Найда беспокойно и шумно дышит то прямо мне в лицо, то высовывая голову в окно, отчего ее уши хлопают по голове. Я смеюсь и почти не отрываясь смотрю

вдаль, нетерпеливо ожидая, когда из-за холма, на котором в этот раз посажена кукуруза, откроется синяя гладь нашего маленького круглого озера.

Но раньше, чем это случается, я ощущаю запах… Аромат влаги, сырости, воды, водорослей. Он проскальзывает в машину, заставляя всех устремить взгляды вперед, где вот-вот, еще через секунду, ну вот сейчас-сейчас – будет наше озеро.

Приехали!

Желтый запорожец лихо заворачивает к озеру (камни из-под колес), объезжает круг почета, своим звуком беспокоя загорающих мамочек. Мы выбираем местечко, паркуемся, и из машины высыпается народ. Впереди всех, конечно, Найда, которая в мгновение ока оказывается в воде, плывет и в процессе ещё пытается пить.

Паша как самый старший бежит за ней и заныривает с разбега прямо в шортах – злостный предатель, мог бы и подождать! Лешка следует его примеру.

– Катя, Женя, ждите взрослых, в воду не заходить! – командует теть Оля.

Эти взрослые – просто кара небесная! Пашка и Лешка вон

уже плавают и показывают друг другу, как нырять поплавком. А нам надо ждать, пока все расстелют пледы да разложат еду. Ну что ты будешь делать!

Дядь Коля спасает ситуацию: подхватывает Катю и швыряет ее в воду под оханья и аханья женщин:

– Коля, блин! Коля, утопишь ребенка!

Катя уже в воде, значит, и мне можно! Залетаю в воду бегом, не размышляя и не чувствуя, какая она холодная!

Брызги во все стороны, хохот, вода уже в носу, отчего все фыркают, как стадо ежей (не знаю, как выглядит стадо ежей, но я представляю его именно таким, как были мы в тот день).

Нас вытащат из воды насильно, когда от холода аж посинеют губы.

Мы будем есть холодную жареную курицу с хлебом и помидорами и пить компот из бутылок из-под кваса. А потом опять будем плавать по-собачьи и нырять так, что над гладью воды нет-нет да и засветится голая попа, с которой соскользнули плавки.

Мы будем праздновать лето. И всю жизнь будем помнить

запах стоялой воды в жаркий день.

Глава 5

Хвост павлина

– Отстань, колючий! – хохотала я, когда папа в свой первый день отпуска небритым лез срочно чмокнуть меня. Хохотала так, что болел живот.

Цвели липы, пчелы трудились над ними без устали, набирая на свои пушистые лапки столько пыльцы, что трудно было летать, – милые полосатые «бомбовозки».

С каждым днем лето раздевало нас всё больше и радость от первых жарких дней начинала слабеть, уступая место неге от вечерней прохлады.

Папа смеялся совершенно по-ребячески от того, как я сопротивлялась поцелуям. Я же хохотала от его деланой настойчивости.

Мама закрывала почту – рабочий день закончился, отчеты сделаны, пора домой. И совсем не спешила – улыбаясь и бросая взгляды на нас, перебирала увесистую связку ключей в поисках нужного.

– Ну пойдемте, – всё так же улыбаясь, прервала она нашу возню, и папа перестал меня тискать. Стал серьезным. И вдруг как подкинул вверх – как я завизжала! Мгновение – и вот я уже сижу на шее, папа крепко держит меня за лодыжки и опять смеется.

Как высоко!

В животе будто распускает хвост павлин – и становится так приятно-щекотно, потому что высокоооооооо же! Конечно, мама в этот момент ахает и как всегда в таких случаях наставляет «Осторожно!»

Не надо осторожно! Надо высоко! Чтобы держаться за подбородок и чувствовать маленькими ладонями сотни колючих волосков. Чувствовать теплую кожу и прямо руками ощущать, что папа сейчас улыбается. А потом ехать на нем, щурясь от солнца, которое уже наметило себе дорогу за горизонт, и хохотать пуще прежнего, когда он как будто бы случайно (на самом деле нет) проходит под низкими ветками деревьев. Как ни пригибайся, получишь прохладными бархатными листьями по лицу. Совсем не больно, но так весело, что от моего хохота наша соседка бабушка Зина выйдет на крыльцо и встретит нас во дворе большой конфетой «Кузнечик» с начинкой из повидла между вафельками.

Об этом дне мир напоминает мне иногда.

Напоминает моментами, когда мы с мужем на машине на большой скорости съезжаем с пригорка на трассе. На несколько секунд мой павлин в животе распускает хвост и я улыбаюсь, щурясь от растекающейся по сердцу доброты воспоминаний.

Напоминает аттракционами, где высоко-высоко, как на плечах у моего высокого и красивого папы.

Напоминает цветущими липами и мохнатыми пчелами с лапками в пыльце.

Мое сердце собирает такие моменты в волшебную шкатулку. Я открываю ее и снова оказываюсь в том дне – маленького простого колючего и очень человеческого счастья.

Глава 6

Сеновал

Еще не открыв глаз, я мгновенно вспомнила, где я. Это утро обещало стать самым необычным в жизни.

Объятия сна уже отступили, но я сознательно оттягивала момент окончательного пробуждения. С закрытыми глазами, не шевелясь, я слушала, как рядом дышит мама. Чувствовала, как колется сено через простыню. Ощущала аромат сушеной травы, который никогда не забудешь, коль хоть раз вдохнул. Зевнула. Повернулась на спину. Приготовилась. Открыла глаза.

И узрела чудо…

Сеновал был высоким строением в нашем дворе – таким, чтобы на всю зиму у коровы Зорьки была еда. К невыносимо, просто нечеловечески жаркому августу (где это видано – 29 градусов ночью!) он уже почти до крыши был заполнен свежим пахучим сеном.

Допускала ли я мысль ночевки на сеновале, когда мама

поздним вечером металась по дому в поисках хоть какой-то прохлады? Конечно, нет. Тем вечером она вышла из холодного душа в пятнадцатый раз за день, сетуя на то, что в такой жаре никакой отдых невозможен. Потом вдруг замолчала. Бросила резкое и отчетливое «Всё».

Что «всё» – было неясно. Оттого я, до этого лениво собиравшая в пазле гигантский розовый в черный горох бант на голове Минни Маус, навострила уши. Услышала, как скрипит старый шкаф. Любопытство взяло верх – пошла узнать, что там такое за «всё».

Мама выгружала из платяного шкафа постельное белье. Сверху на стопку из простыни с заплаткой, пододеяльника в цветочки и наволочек из разных комплектов водрузила две перьевые подушки. Эх, всего-то собиралась менять постельное, – подумала я. Но не тут то было! Вдруг она победно хлопнула по стопке ладошкой, будто дала пять самой себе за гениальную идею. И громко, чтобы слышали все в доме, продекламировала на Маяковский манер: «мы с Женькой идем спать на сеновал».

Вот это поворот!

С дикими воплями я начала бегать из комнаты в комнату и сообщать всем по очереди, – пока еще сама не до конца

в это веря! – что мы идем спать на сеновал.

– Папа, мы идем спать на сеновал с мамой!
Папа сквозь сон: «Мг».

– Бабушка, мы идем спать с мамой на сеновал!
Бабушка из-за спиц: «Добре».

– Дедушка, мы идем спать на сеновал!
Дедушка: храпит.

Я не поняла! Это что, какой-то рядовой случай в нашей семье? Мы что, спим там каждую неделю? Да это же «новостная молния»! Об этом надо сообщить по радио, прервав прогноз погоды! Почему все так себя ведут, будто ничего уникального не происходит!

Мама остановила мой марафонский забег по комнатам.

– Ну все, тише, был тяжелый жаркий день, все устали, пойдем.

Я побежала впереди нее с подушками в обнимку, напевая:

«Сеновал мой, сеновал, сеновалушкаааааааа!»

Мама взяла с холодильника фонарик, пощелкала выключателем: горит. Мы вышли из душного дома в почти такой же душный ночной двор. Ветерок колыхал воздух, и от этого подарка мама выдохнула с таким освобождающим «хммммм», будто бросила монетку в колодец своего выдоха и мы никогда уже не услышим, как она стукнулась о дно.

Желтый луч фонарика лизал землю на пару шагов впереди. Я держалась за мамину руку и молилась, чтобы на пути не встретились: лягушки, мотыльки, мыши, крысы, жабы, слизни, улитки, жуки, бабочки и что угодно еще. Ибо вся живность такого рода вызовет в маме лишь одно желание – вместо авантюрных сеновалов сбежать в привычную каменную крепость на человеческую постель и никогда оттуда не выходить. Удивительно, вроде не городская, а с живностью смириться так и не смогла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.